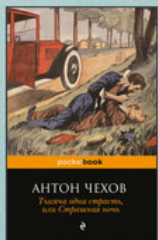

Антон Чехов

Старость

*Часть сборника
Тысяча одна страсть, или
Страшная ночь (сборник)*

Антон Павлович Чехов

Старость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22028301

Тысяча одна страсть, или Страшная ночь / Антон Чехов: Э; Москва; 2016

Аннотация

«Архитектор, статский советник Узелков, приехал в свой родной город, куда он был вызван для реставрации кладбищенской церкви. В этом городе он родился, учился, вырос и женился, но, вылезши из вагона, он едва узнал его. Всё изменилось... Восемнадцать лет тому назад, когда он переселился в Питер, на том, например, месте, где теперь стоит вокзал, мальчуганы ловили сусликов; теперь при въезде на главную улицу высится четырехэтажная «Вена с номерами», тогда же тут тянулся безобразный серый забор. Но ни заборы, ни дома – ничто так не изменилось, как люди. Из допроса номерного лакея Узелков узнал, что больше чем половина тех людей, которых он помнил, вымерло, обедняло, забыто...»

Антон Чехов

Старость

Архитектор, статский советник Узелков, приехал в свой родной город, куда он был вызван для реставрации кладбищенской церкви. В этом городе он родился, учился, вырос и женился, но, вылезши из вагона, он едва узнал его. Всё изменилось... Восемнадцать лет тому назад, когда он переселился в Питер, на том, например, месте, где теперь стоит вокзал, мальчуганы ловили сусликов; теперь при въезде на главную улицу высится четырехэтажная «Вена с номерами», тогда же тут тянулся безобразный серый забор. Но ни заборы, ни дома – ничто так не изменилось, как люди. Из допроса номерного лакея Узелков узнал, что больше чем половина тех людей, которых он помнил, вымерло, обедняло, забыто.

– А Узелкова ты помнишь? – спросил он про себя у старика лакея. – Узелкова, архитектора, что с женой разводился... У него еще дом был на Свиребеевской улице... Наверное, помнишь!

– Не помню-с...

– Ну, как не помнить! Громкое было дело, даже извозчики все знали. Припомни-ка! Разводил его с женой стряпчий Шапкин, мошенник... известный шулер, тот самый, которого в клубе высекли...

– Иван Николаич?

– Ну да, да... Что, он жив? Умер?

– Живы-с, слава богу-с. Они теперь нотариусом, контору держат. Хорошо живут. Два дома на Кирпичной улице. Недавно дочь замуж выдали...

Узелков пошагал из угла в угол, подумал и решил, скуки ради, повидаться с Шапкиным. Когда он вышел из гостиницы и тихо поплелся на Кирпичную улицу, был полдень. Шапкина он застал в конторе и еле узнал его. Из когда-то стройного, ловкого стряпчего с подвижной, нахальной, вечно пьяной физиономией Шапкин превратился в скромного, седовласого, хилого старца.

– Вы меня не узнаете, забыли... – начал Узелков. – Я ваш давнишний клиент, Узелков...

– Узелков? Какой Узелков? Ах!

Шапкин вспомнил, узнал и обомлел. Посыпались восклицания, расспросы, воспоминания.

– Вот не ожидал! Вот не думал! – кудاختал Шапкин. – Угощать-то чем? Шампанского хотите? Может, устриц желаете? Голубушка моя, столько я от вас деньжищ перебрал в свое время, что и угощения не подберу...

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – сказал Узелков. – Мне некогда. Сейчас нужно мне на кладбище ехать, церковь осматривать. Я заказ взял.

– И отлично! Закусим, выпьем и поедем вместе. У меня отличные лошади! И свезу вас, и со старостой познакомлю... всё устрою... Да что вы, ангел, словно сторонитесь меня, бо-

итесь? Сядьте поближе! Теперь уж нечего бояться... Хе-хе... Прежде, действительно, ловкий парень был, жох мужчина... никто не подходит близко, а теперь тише воды, ниже травы; постарел, семейным стал... дети есть. Умирать пора!

Приятели закусили, выпили и на паре поехали за город, на кладбище.

– Да, было времечко! – вспоминал Шапкин, сидя в санях. – Вспоминаешь и просто не веришь. А помните, как вы с вашей супругой разводились? Уж почти двадцать лет прошло, и, небось, вы всё забыли, а я помню, словно вчера разводил вас. Господи, сколько я крови тогда испортил! Парень я был ловкий, казуист, крючок, отчаянная голова... Так, бывало, и рвусь ухватиться за какое-нибудь казусное дело, особенно ежели гонорарий хороший, как, например, в вашем процессе. Что вы мне тогда заплатили? Пять-шесть тысяч! Ну, как тут крови не испортить? Вы тогда уехали в Петербург и всё дело мне на руки бросили: делай как знаешь! А покойница супруга ваша, Софья Михайловна, была хоть и из купеческого дома, но гордая, самолюбивая. Подкупить ее, чтоб она на себя вину приняла, было трудно... ужасно трудно! Прихожу к ней, бывало, для переговоров, а она заводит меня и кричит горничной: «Маша, ведь я приказала тебе не принимать подлецов!» Уж я и так, и этак... и письма ей пишу, и нечаянно норовлю встретиться – не берет! Пришлось через третье лицо действовать. Долго я возился с ней, и только тогда, когда вы десять тысяч согласились дать ей,

поддалась... Десяти тысяч не выдержала, не устояла... Заплакала, в лицо мне плюнула, но согласилась, приняла вину!

– Кажется, она взяла с меня не десять, а пятнадцать тысяч, – сказал Узелков.

– Да, да... пятнадцать, ошибся! – смутился Шапкин. – Впрочем, дело прошлое, нечего греха таить. Ей я десять дал, а остальные пять я у вас на свою долю выторговал. Обоих вас обманул... Дело прошлое, стыдиться нечего... Да и с кого же мне было брать, Борис Петрович, ежели не с вас, судите сами... Человек вы были богатый, сытый... С жиру вы женились, с жиру разводились. Наживали вы пропасть... Помню, с одного подряда дерябнули двадцать тысяч. С кого же и тянуть, как не с вас? Да и, признаться, зависть мучила... Вы ежели хапнете, перед вами шапки ломают, меня же, бывало, за рубли и секут, и в клубе по щекам бьют... Ну, да что вспоминать! Забыть пора.

– Скажите, пожалуйста, как потом жила Софья Михайловна?

– С десятию тысячами-то? Плохissime... Бог ее знает, азарт ли на нее такой напал, или совесть и гордость стали мучить, что себя за деньги продала, или, может быть, любила вас, только, знаете ли, запила... Получила деньги и давай на тройках с офицерами разъезжать. Пьянство, гульба, беспутство... Заедет с офицерами в трактир и не то, чтобы портвейнцу или чего-нибудь полегче, а норовит коньячищу хватить, чтоб жгло, в одурь бросало.

– Да, она эксцентричная была... Натерпелся я от нее. Бывало, обидится на что-нибудь и начнет нервничать... А потом что было?

– Проходит неделя, другая... Сижу я у себя дома и что-то строчу. Вдруг отворяется дверь и входит она... пьяная. «Возьмите, говорит, назад проклятые ваши деньги!» – и бросила мне в лицо пачку. Не выдержала, значит! Я подобрал деньги, сосчитал... Пятисот не хватало. Только пятьсот и успела прокутить.

– Куда же вы девали деньги?

– Дело прошлое... таиться незачем... Конечно, себе! Что вы на меня так поглядели? Погодите, что еще дальше будет... Роман целый, психиатрия! Этак месяца через два прихожу я однажды ночью к себе домой пьяный, скверный... Зажигаю огонь, гляжу, а у меня на диване сидит Софья Михайловна, и тоже пьяная, в растрепанных чувствах, дикая какая-то, словно из Бедлама бежала... «Давайте, говорит, мне назад мои деньги, я раздумала. Падать, так уж падать, как следует, в засос! Поворачивайтесь же, подлец, давайте деньги!» Безобразие!

– И вы... дали?

– Дал, помню, десять рублей...

– Ах! ну можно ли? – поморщился Узелков. – Если вы сами не могли или не хотели дать ей, то написали бы мне, что ли... И я не знал! А? И я не знал!

– Голубчик мой, да зачем мне писать, если она сама вам

писала, когда потом в больнице лежала?

– Впрочем, я так был занят тогда новым браком, так кружился, что мне не до писем было... Но вы, частный человек, вы антипатии к Софье не чувствовали... отчего не подали ей руки?

– На теперешний аршин нельзя мерить, Борис Петрович. Теперь мы так думаем, а тогда совсем иначе думали... Теперь я ей, может быть, и тысячу рублей дал бы, а тогда и те десять... не задаром отдал. Скверная история! Забыть надо... Но вот и приехали...

Сани остановились у кладбищенских ворот. Узелков и Шапкин вылезли из саней, вошли в ворота и направились по длинной, широкой аллее. Оголенные вишневые деревья и акации, серые кресты и памятники серебрились инеем. В каждой снежинке отражался ясный солнечный день. Пахло, как вообще пахнет на всех кладбищах: ладаном и свежевскопанной землей...

– Хорошенькое у нас кладбище, – сказал Узелков. – Со всем сад!

– Да, но жалко, воры памятники воруют... А вон за тем чугунным памятником, что направо, Софья Михайловна похоронена. Хотите посмотреть?

Прятели повернули направо и по глубокому снегу направились к чугунному памятнику.

– Вот тут... – сказал Шапкин, указывая на маленький памятник из белого мрамора. – Прапорщик какой-то памятник

на ее могилке поставил.

Узелков медленно снял шапку и показал солнцу свою плешь. Шапкин, глядя на него, тоже снял шапку, и другая плешь заблестела на солнце. Тишина кругом была могильная, точно и воздух был мертв. Приятели глядели на памятник, молчали и думали.

– Спит себе! – прервал молчание Шапкин. – И горя ей мало, что вину она на себя приняла и коньяк пила. Сознайтесь, Борис Петрович!

– В чем? – угрюмо спросил Узелков.

– А в том... Как ни противно прошлое, но оно лучше, чем это.

И Шапкин указал на свои седины.

– Бывало, и не думал о смертном часе... Встретиться со смертью, так, кажется, десять очков вперед дал бы ей, а теперь... Ну, да что!

Узелковым овладела грусть. Ему вдруг захотелось плакать, страстно, как когда-то хотелось любви... И он чувствовал, что плач этот вышел бы у него вкусный, освежающий. На глазах выступила влага, и уже к горлу подкатил ком, но... рядом стоял Шапкин, и Узелков устыдился малодушествовать при свидетеле. Он круто повернул назад и пошел к церкви.

Только часа два спустя, переговорив со старостой и осмотрев церковь, он улучил минутку, когда Шапкин заговорился со священником, и побежал плакать... Подкрался он к памятнику тайком, воровски, ежеминутно оглядываясь. Ма-

ленький белый памятник глядел на него задумчиво, грустно и так невинно, словно под ним лежала девочка, а не распутная, разведенная жена.

«Плакать, плакать!» – думал Узелков.

Но момент для плача был уже упущен. Как ни мигал глазами старик, как ни настраивал себя, а слезы не текли и ком не подступал к горлу... Постояв минут десять, Узелков махнул рукой и пошел искать Шапкина.